

Вышедший в свет четвертый том статей, исследований и материалов, посвященных Чернышевскому, так же как и предшествующие три тома, закрепил за этими сборниками авторитет высоконаучного и ценного издания, убедительно свидетельствующего, что Саратовский университет стал одним из центров изучения наследия великого русского писателя и мыслителя.

Исследования, опубликованные в сборнике, по преимуществу посвящены малоизученным вопросам, в них выясняется роль Чернышевского в литературном процессе 50—60-х годов XIX века. Авторы статей о Чернышевском — критике и теории литературы объединяет стремление выяснить, как в обстановке острой и напряженной борьбы за победу реалистического направления складывались и развивались эстетические воззрения Чернышевского, определявшие его оценки крупнейших литературных явлений недавнего прошлого и современности.

Таким органическим сочетанием историко-литературного и теоретического исследования отличается открывающая сборник работа М. Зельдовича «Статьи Н. Г. Чернышевского о Пушкине в общественно-литературной борьбе 50-х годов».

Автор убедительно показывает, что цикл статей Чернышевского о Пушкине был его первым развернутым выступлением против эстетической критики, представленной прежде всего А. Дружининым и П. Анненковым. Поэтому весь исторический материал статей, связанный с

оценкой творчества великого поэта критикой 30—40-х годов (Надеждин, Полевой, Белинский), соотнесен с назревшими потребностями литературной жизни 50-х годов, ориентирован на современность, на решение таких актуальных проблем реалистической эстетики, как идейность, художественность и народность искусства.

М. Зельдович не сглаживает противоречивость ряда суждений Чернышевского о Пушкине, и в частности об отношении Пушкина к идее «чистого искусства». Здесь Чернышевский отступил от принципа историзма, свойственного всему его циклу статей о великом поэте. Исследователь показывает, что известная заостренность ряда высказываний Чернышевского о поэте вызвана стремлением противодействовать попыткам эстетической критики противопоставить пушкинское направление гоголевскому как «нехудожественному». Вместе с тем автор правильно замечает, что, широко цитируя высказывания Белинского о Пушкине, отстаивая и развивая суждения своего великого предшественника, Чернышевский всем содержанием своих статей утверждал, что «исторически Пушкин не антагонист, а предшественник и в известном смысле учитель Гоголя» (стр. 35).

Борьбе Чернышевского с эстетической критикой 50-х годов посвящена также статья А. Демченко «Из истории полемики Н. Г. Чернышевского с А. В. Дружининым». Интересен в статье анализ полемики о положительном герое, развернувшейся уже в начале 50-х годов, полемике, которой вскоре суждено было стать в центре литературной борьбы. Автор указывает на то, что Чернышев-

* «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», т. 4, Изд. Саратовского университета, 1965, 284 стр.

ский и Дружинин, соглашаясь с тем, что время «лишних людей» прошло, резко расходились в представлениях об идейном облике тех людей, которые должны были прийти им на смену. Высмеивая героев повестей Дружинина и Авдеева, искавших «правды на поприще служебной деятельности», Чернышевский противопоставлял им «истинно современных людей», способных видеть источник зла в несправедливом общественном устройстве.

Статьи Чернышевского о Л. Толстом, принадлежащие к числу замечательных произведений русской критической мысли, давно привлекали внимание исследователей. В рецензируемом сборнике им посвящена работа Т. Усакиной «К истории статей Чернышевского о Толстом». Автор сумел показать истоки поразительного проникновения критика в то новое, что внес Толстой в изображение внутреннего мира человека — «диалектики души». По мнению Т. Усакиной, сочувствие Чернышевского новаторским исканиям молодого Толстого объясняется тем, что у обоих под воздействием идей петрашевцев, влияние которых они в разной мере испытали в конце 40-х годов, сложилась известная общность взглядов на сущность человеческой природы, на пути ее совершенствования и задачи искусства в изображении человека. Напомнив, что в казанский период Толстой тесно общался с близкими к Петрашевскому людьми, исследователь отмечает, что многие дневниковые записи и философские этюды Толстого этого времени перекликаются с положениями «Карманного словаря»: «любимым миром для воображения поэта должен стать внутренний мир»; «потребность современного героя — анализ внутреннего человека». Отзвуки этих эстетических

идей автор усматривает и в диссертации Чернышевского, в которой утверждалось, что воспроизведение «внутренней жизни человека является одной из главных задач искусства». Это и дает основание исследователю прийти к выводу, что при всем различии взглядов в конце 40-х — начале 50-х годов «в ряде существенных моментов идейно-творческая эволюция Чернышевского сближалась с духовными исканиями Толстого» (стр. 50). Мысль эта интересна, но для ее обоснования был необходим более обстоятельный анализ суждений Чернышевского о принципах изображения психологической жизни человека у Толстого.

Критическим высказываниям Чернышевского о Глебе Успенском посвящена статья В. Смирнова «Н. Г. Чернышевский и крестьянские очерки Глеба Успенского». Автор предполагает, что резко отрицательные суждения Чернышевского об очерках Успенского из цикла «Власть земли», сохранившиеся в его письмах к А. Пыпину и в воспоминаниях В. Короленко и Н. Рейнгардта, объясняются тем, что Успенский в своих очерках, хотя и рассеивал многие народнические иллюзии, все же остался на почве народнической идеологии, решительно осуждавшейся в то время Чернышевским. Однако аргументация автора не всегда убедительна. Нельзя, например, предположить, что некоторые идеи крестьянских очерков Успенского возмутили Чернышевского, подтверждать цитатой из статьи «Песни разных народов» Н. Берга», написанной в середине 50-х годов. Можно согласиться с мнением В. Смирнова, что Короленко был неправ, когда объяснял отрицательные отзывы Чернышевского об Успенском устарелостью эстетических критериев, с которыми

великий деятель 60-х годов подходил к литературным явлениям 80-х годов, но утверждение, будто Чернышевского в 80-е годы «не могли не раздражать шарахания теоретической мысли Успенского от материалистических посылок к метафизике и субъективному идеализму» (стр. 145), не подкреплено материалом статьи.

Чернышевскому-художнику посвящены в сборнике статьи А. Ефремова «Речевые средства построения образа «особенного человека» в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и Н. Вердеревской «Роман Н. Г. Чернышевского «Повести в повести» и журнальная полемика 1861—1862 годов».

А. Ефремов в результате своих наблюдений над языком романа «Что делать?» приходит к выводу, что одним из излюбленных стилистических приемов, при помощи которых писатель подчеркивает черты характера Рахметова как «высшей натуры», является своеобразный «стилистический максимализм». Смысл его в тяготении к речевым средствам, выводящим изображаемое за границы нормального уровня жизни. Однако автор недостаточно отчетливо дифференцирует стилистические функции этого приема в романе.

В малоизученном произведении Чернышевского «Повести в повести», написанном в Алексеевском равелине, внимание Н. Вердеревской привлек эпизодический образ журналиста Панкратьева — члена редакции «Современника», о котором с явной недоброжелательностью рассказывает помещик-либерал Верещагин. Верещагин характеризует Панкратьева как человека невежественного, грубого, беспринципного и даже продажного. Этот «ход» Чернышевский использует для того, чтобы продемонстрировать пристрастность, с ка-

кой писали о нем его противники в недавней острой полемике 1861—1862-х годов. Проявленные самим писателем во время следствия по его делу моральная стойкость и героизм с очевидностью обнажали всю меру низости либеральной публицистики, которая в своем стремлении дискредитировать в глазах молодежи деятелей демократического лагеря не останавливалась перед подлой клеветой на них.

Б. Лазерсон в статье «Эзоповская речь в публицистике Чернышевского» продолжает свои интересные разыскания в области стиля публицистики Чернышевского. Автор тонко анализирует метонимии, эвфемистические обороты и другие способы иносказания, используемые Чернышевским в его статьях.

Выдающемуся произведению русской политической лирики посвящена статья А. Гаркави «К спорам о стихотворении Некрасова «Н. Г. Чернышевский». Исследователь убедительно опровергает мнение некоторых литературоведов, будто авторская датировка стихотворения 1874 годом неверна и оно написано не после, а до ареста и ссылки Чернышевского. Что касается сомнений некоторых исследователей в том, что это стихотворение посвящено Чернышевскому, то, анализируя на большом материале значение образа Христа в системе иносказаний демократической поэзии и публицистики тех лет, автор доказывает, что слова: «Его послал бог Гнева и Печали Царям земли напомнить о Христе», — были не проповедью кротости и смирения, а возвеличением революционного подвига Чернышевского.

Интересный момент в истории русской эстетической мысли 70-х годов воскрешен в статье В. Прозорова «Эпизод из пропаганды эстетических

идей Чернышевского». Внимание автора привлекла забытая статья И. Ясинского «Единство творческого процесса», опубликованная в сентябрьском номере журнала «Слово» за 1879 год. И. Ясинский, начинавший тогда свою литературно-публицистическую деятельность, явно стремился в этой статье напомнить читателям о Чернышевском — теоретике искусства и развить его взгляды. Читая интересные суждения И. Ясинского о психологии творческого процесса — проблеме, столь волнующей современную эстетическую науку, — невольно сожалеешь, что еще так мало сделано в области изучения истории русской эстетической мысли.

Стремлением связать изучение эстетического наследия Чернышевского с решением ряда актуальных проблем современной эстетической науки проникнута статья В. Мыслякова «К теории сатиры (В свете положений революционно-демократической эстетики)». Автор примыкает к тем исследователям, которые не считают сатиру всего лишь «видом комического», так как она может включать в себя, помимо юмора, трагическое и лирическое начала. Утверждая «эстетический синкретизм» сатиры (стр. 154), ссылаясь на положение Чернышевского о том, что «сатирическое направление отличается от критического, как его крайность»¹, В. Мысляков приходит к выводу: понятие сатиры выражает лишь крайнюю степень критической направленности и не включает в себе каких-либо структурных признаков, позволяющих выделить ее в особый род литературы, как это делают некоторые

авторы работ по теории сатиры. Но, отрицая наличие каких-либо структурных особенностей у сатиры, автор оставляет не выясненным, что же придает сатирический характер роману, драме, поэтическому произведению. Ведь Чернышевский в определении сатиры, на которое ссылается автор, не ограничивается указанием на крайность критического отношения к действительности в сатире, но отмечает, что это «крайность, не заботящаяся об объективности картины и допускающая утрировку». Утверждение автора, что не структура, а «угол зрения писателя», особая идейно-эмоциональная оценка, «особое художественное мировоззрение» (стр. 168) отличают сатиру как художественное явление, представляется нам неполным, так как в художественном произведении идейно-эстетическая оценка находит свое выражение в структуре художественного образа. Ведь и сам автор в конце статьи говорит о существовании каких-то «оригинальных средств воплощения, приемов и принципов» сатиры (там же).

Во втором разделе сборника помещены материалы и сообщения, связанные с разработкой научной биографии Чернышевского. Новое о педагогической деятельности Чернышевского в Саратове (по архивным материалам) сообщает Е. Бушканец в статье «Н. Г. Чернышевский — учитель саратовской гимназии». Автор выяснил, что многие ученики Чернышевского по гимназии стали активными деятелями демократического движения 60-х годов.

Большой интерес представляет опубликованная в сборнике переписка коменданта Петропавловской крепости А. Сорокина с вышестоящими инстанциями в связи с пребыванием Чернышевского в крепости. Анализ

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. III, Гослитиздат, М. 1947, стр. 154.

этих документов, сделанный В. Барцевичем, убеждает, что роман «Что делать?» был пропущен в печать не по счастливой случайности, а в результате тщательно продуманной тактики Чернышевского, постигшего психологию чиновников Третьего отделения и цензуры.

Ценные сведения содержат публикации С. Рейсера «Неизданный отрывок воспоминаний А. А. Слепцова», М. Нольмана и М. Пьяных «Проект резолюции по делу Чернышевского», Б. Егорова и С. Рейсера «Письма И. А. Пиотровского к Н. Г. Чернышевскому», И. Пороха

«Из цензурной истории «Воспоминаний» П. Ф. Николаева о Н. Г. Чернышевском».

Сборник завершает статья Н. Чернышевской «У истоков», посвященная истории создания саратовского Дома-музея Чернышевского.

В целом новый том статей, исследований и материалов о Чернышевском отражает движение советской литературной науки к более углубленному, конкретно-историческому изучению литературных явлений прошлого.

М. ФИНКЕЛЬ

г. Харьков

В последние годы появился ряд теоретических, литературоведческих работ, отличающихся сложностью поставленных проблем, новизной методологического подхода к материалу, вызывающих споры. К таким книгам относится исследование

М. Бахтина о творчестве Ф. Рабле. Ниже публикуются две рецензии — Л. Пинского и доктора исторических наук А. Гуревича, — рассматривающие различные аспекты этого историко-литературного труда М. Бахтина.

РАБЛЕ В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ*

Интерес, который вызывает новая книга М. Бахтина у специалиста, у всякого любознательного читателя, — по меньшей мере тройной.

Во-первых, это вполне оригинальная и основополагающая *монография* о творчестве Рабле. Чтобы оценить труд М. Бахтина с этой стороны, надо принять во внимание совершенно исключительное положение Рабле среди классиков мировой литературы. Еще в конце XVII века Лабрюйер заявил: «Трудно понять Рабле... его произведение — неразре-

шимая загадка. Оно подобно химере...» С веками загадочность Рабле даже для его страстных почитателей лишь возрастала, и в начале нашего столетия А. Франс в своих лекциях о Рабле назвал его книгу «наиболее причудливой в мировой литературе». Современная французская раблезистика идет еще дальше и говорит о Рабле как о писателе «не столько неправильно понятом, сколько просто непонятом» (А. Лефевр) или как о представителе «дологического мышления», недоступного пониманию современного читателя (Л. Февр). После несметного множества специальных исследований, сопоставимого разве толь-

* М. Бахтин, Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса, «Художественная литература», М. 1965, 527 стр.